

Развёрнутые тезисы выступления Ю.К. Шафраника на 30-летию Союза нефтегазопромышленников России

1. Уважаемые коллеги, друзья, соратники!

Сегодня мы собрались с вами, чтобы отметить юбилейную дату – 30-летие нашего Союза нефтегазопромышленников России, который был создан в условиях, когда страна переживала глубочайший политический и социально-экономический кризис, когда сохранение жизнеспособности отрасли, её предприятий и сотен тысяч рабочих мест без активной деятельности такого объединения было просто невозможно. Основная цель деятельности Союза – содействие созданию благоприятных условий для эффективной работы нефтегазового комплекса России, его гармоничного развития в интересах стабилизации и процветания национальной экономики.

Образование Союза позволило чётко сформулировать интересы целого ряда отраслей и найти пути реформирования, приемлемые как для нефтяников и газовиков (кстати, также и для электроэнергетиков и угольщиков), так и для правительства и парламента. К нашему глубокому сожалению, **сегодня мы переживаем, возможно, не менее глубокий кризис, чем тогда.** По не самым пессимистическим оценкам, нам грозит сокращение углеводородного экспорта до 20% и сокращение внутреннего потребления топлива и продукции нефте- и газохимии. В этих условиях деятельность нашего Союза по сохранению благоприятных условий для эффективной работы нефтегазового комплекса России в интересах поддержания благосостояния российского народа приобретает особое значение. Поэтому 30-летняя годовщина СНГП это сейчас повод даже не столько для празднования, сколько для **рассмотрения и применения накопленного нами опыта работы в кризисных ситуациях.**

2. Экономические реформы в России начала 1990-х годов проходили на фоне глубокого кризиса советской плановой экономики, резко обострившегося в конце 1980-х годов. Низкая эффективность, отсутствие действенных стимулов хозяйственной активности, структурные диспропорции, исчерпание ресурсов экстенсивного роста, бывших опорой плано-распределительной системы, обусловили необходимость кардинальных изменений российской экономики и её хотя бы частичного перевода на рыночные рельсы.

Усилились диспропорции в сфере производства, потребления и финансирования, снизилась инновационная активность производителей.

Попытки частичной либерализации плано-распределительной системы при сохранении её основ, предпринятые в 1987-1988 годах, лишь усугубили кризис. Вследствие

запаздывания жизненно необходимых реформ возможности эволюционных преобразований были упущены. Подрыв финансовой системы и национальной валюты, нарастание до нетерпимых масштабов товарного дефицита стали одними из главных факторов снижения жизненного уровня населения и в дальнейшем поставили экономику на край катастрофы. Попытка осуществить продекларированную в период так называемого «ускорения» перестройку, провозглашенную в середине 1980-х годов, вызвала заметное увеличение капитальных вложений в 1986-1989 гг., что в конечном итоге привело лишь к нарушению сложившихся тенденций и пропорций, не решив поставленной задачи. После достижения в 1987-1988 гг. абсолютного максимума добычи нефти, угля, железной руды, производства стали и проката с 1989 г. добывающие отрасли остались без соответствующей инвестиционной подпитки. Таким образом, в результате разрозненных, непродуманных и ошибочных решений, диспропорции в народном хозяйстве приняли самовоспроизводящийся и необратимый характер.

В этих условиях экономика СССР начала заметно «пробуксовывать». Так, после среднегодовых темпов роста валового национального продукта за 1975-1980 годы, равных 4,2%, и 3,2% в 1986-1988 годы, этот показатель снизился в 1989 году до 1,9%, а в 1990 году – впервые (!) после Великой Отечественной войны упал до минусовых значений (-2,0%). Дальнейшие события, связанные с распадом СССР, предопределили общий спад производства в 1990-1991 гг.

Вместе с тем, признавая системный кризис советской экономики в 1980-е гг., важно понимать, что её организационные принципы создавались в период ускоренной индустриализации 1930-1970-х гг., когда требовалось жёсткое государственное управление и планирование. В тот период времени, в иных экономических условиях и при решении иных задач, советская система демонстрировала высокую эффективность. Именно за счёт государственной централизации ресурсов стало возможным энергетическое освоение Сибири, в том числе быстрое развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которое сыграло важную роль не только в энергетическом развитии России, но и в преодолении энергетического кризиса 1970-х гг. за счёт резкого наращивания поставок в Европу.

3. К концу 1980-х годов в Советском Союзе был создан крупнейший энергетический потенциал, который обеспечивал полную энергетическую независимость и энергетическую безопасность страны, а сама страна занимала второе место в мире по добыче и производству топливно-энергетических ресурсов. Потребление первичных энергоресурсов только за 1986-1990 годы увеличилось на 23,8%, а их экспорт возрос на 30%. Такое развитие весьма

капиталоёмкого топливно-энергетического комплекса было обеспечено инвестициями в объеме более 37% от всех капитальных вложений страны в промышленность.

Но на фоне роста количественных показателей работы ТЭК нарастали качественные проблемы – и в его развитии, и в экономике в целом. Так, при низких ценах на топливо и энергию энергоэффективность экономики была низкой и уступала энергоёмкости развитых капиталистических стран в 2-3 раза не только из-за суровых природно-климатических условий страны и тяжёлой структуры советской экономики, но и из-за энергорасточительности и высокой энергоёмкости технологий и бытовой сферы.

Наращивание добычи нефти в 1970-1980-е годы было одним из важнейших приоритетов советской экономики. За этот период нефть стала основным источником валютных средств и существенной составляющей топливно-энергетического баланса страны. Так, в конце 1980-х годов доля нефти в экспортной выручке СССР достигла почти 44%, а во внутреннем потреблении первичных энергоресурсов – 30%.

Но форсирование добычи нефти, в том числе на Самотлорском месторождении, сверх его реальных проектных возможностей, в сочетании с рядом других факторов явилось одной из основных причин падения добычи нефти уже в 1990 г.

Вот конкретные цифры: добыча нефти, без конденсата, достигнув в 1987 году 606,5 млн. т, начала сокращаться, и в 1990 г. упала до 551,6 млн. т, в том числе в РСФСР – с 559,7 до 505,1 млн. т, соответственно. Напомню цифры и по Тюменской области, по Главтюменнефтегазу: 394 млн. т. в 1988 г. и 353 – в 1990 г.

Особенностью структурной политики того периода в нефтепереработке являлось широкое использование мазута для топливных нужд в СССР, что было следствием как ценовой конъюнктуры, так и технического уровня отечественной нефтепереработки, не ориентированной на массовое развитие автомобильного транспорта. Основной задачей отрасли длительное время оставалось обеспечение энергетики страны котельно-печным топливом. Результатом этого была низкая глубина нефтепереработки (59-62%) при невысоком качестве нефтепродуктов.

В то же время в СССР была создана разветвлённая сеть нефтепроводного и нефтепродуктопроводного транспорта. В целом созданный в СССР нефтяной комплекс являлся уникальным национальным достоянием, обеспечивающим финансово-экономическую и энергетическую устойчивость экономики страны.

Ведущие позиции в мировой энергетике занимала и газовая промышленность СССР. К началу 1990-х годов она вышла на уровень добычи газа 815 млрд. куб. м, в том числе по РСФСР – 610 млрд. куб. м. За предшествующую десятилетку объём добычи газа увеличился в 1,9 раза, в том числе в РСФСР – в 2,4 раза. Таких беспрецедентных темпов и объёмов

добычи в столь короткое время мир не знал. Это позволило трансформировать ТЭБ страны, увеличив долю газа в структуре потребления энергоресурсов с 26% в 1980 г. до 40% в 1990 г. с соответствующим экономическим и экологическим эффектом, а также увеличить экспорт газа. Более того, «большой» газ дал возможность кардинально изменить структуру котельно-печного топлива в стране и заложил объективную основу для глубокой переработки нефти. При этом разведанные балансовые запасы природного газа обеспечивали достигнутую его добычу в течение более 60 лет.

Напомню также, что в СССР была создана Единая система газоснабжения с разветвлённой сетью магистральных и распределительных трубопроводных систем и компрессорных газоперекачивающих станций. В структуре ЕСГ были созданы и получили широкое развитие системы диспетчерского управления, комплекс подземных хранилищ газа, получила развитие газификация промышленности, сельского хозяйства и коммунально-бытовой сферы страны.

4. Следует напомнить, что к концу 80-х годов во всем мире началась очередная экономическая рецессия. Но в СССР этот спад экономики стал восприниматься исключительно как следствие кризиса социалистической системы хозяйствования, что привело не только к необходимым экономическим реформам, а к слому всей системы управления народным хозяйством страны - ускоренному переходу на рыночно - капиталистический путь развития. В результате мир благополучно вышел из очередной экономической рецессии, а экономика России подверглась полному разрушению ее основ. Уже к 1990-1991 гг. экономическое положение в стране стало тяжелейшим, причём оно усугублялось противоречиями между руководством России и СССР, что вело к взаимной блокировке необходимых решений, хаосу и невозможности проведения осмысленной политики. Поэтому к концу 1991 г. – началу 1992 г. требовались уже чрезвычайные меры для стабилизации экономического положения, чтобы не допустить сползания страны в экономический хаос, восстановить управляемость хозяйственных процессов и в перспективе создать условия для возобновления экономического роста.

Так что в 1992 г. экономические реформы в России начинались в тяжёлых условиях острого кризиса и накопленных долгосрочных проблем, когда многие возможности эволюционного реформирования были уже упущены. Эти реформы ориентировались на «шоковую терапию» с целью максимально быстрого перехода к рыночной экономике, добившись одновременно его политической необратимости. Однако реальность внесла глубокие коррективы в первоначальные планы, а за попытки быстрее добиться цели пришлось расплачиваться тяжелыми социальными, экономическими и политическими издержками.

Так, результатом шоковой *либерализации внутренних цен*, осуществлённой в начале 1992 г., стала высокая инфляция, радикальное изменение ценовых пропорций, кризис неплатежей, разрушительно действующих на все стороны хозяйственной жизни, и препятствующих стабилизации финансового положения предприятий. *Либерализация внешней торговли*, проведенная одновременно с либерализацией внутренних цен и до их выхода на равновесный уровень, привела к тяжелым экономическим дисбалансам и вызвала переориентацию на экспорт всех конкурентоспособных предприятий, усугубив экономический спад.

В результате уже с 1992 г. и особенно с 1993 г. (после замены Е.Т. Гайдара на В.С. Черномырдина) политика Правительства всё сильнее отклонялась от изначально принятой концепции «шоковой терапии». В итоге получилось «сочетание неприятного с бесполезным» – гибрид шоковой и постепенной (по С. Шаталину и Г. Явлинскому) стратегий реформ, гибрид, который сочетал недостатки обоих вариантов.

Также очень быстро и с многочисленными нарушениями на всех её этапах, была проведена и *приватизация* в России. С одной стороны, была решена политическая задача создания класса собственников, был сформирован частный сектор в российской экономике.

В то же время приватизация оказалась связана с огромными производственными, экономическими и социальными издержками. Прежде всего, произошла подмена цели реформ. Вместо структурных преобразований, повышения эффективности организации экономики и производства на первый план вышло создание нового класса собственников, в первую очередь крупных. В значительной степени этот приоритет был обусловлен не экономическими, а политико-идеологическими причинами – желанием сделать переход к рыночной капиталистической экономике абсолютно необратимым, создав мощную социальную опору изменений. Но подмена экономических задач политико-идеологическими привела к сращиванию власти и собственности, формированию т.н. «олигархов», разложению власти и коррупции на всех её уровнях, включая высшие. Эти факторы обусловили низкую эффективность российской экономики, в том числе значительной части частных компаний.

Не менее фундаментальной проблемой стало то, что в результате массированных нарушений закона и зачастую силового раздела и передела государственной собственности приватизация оказалась в значительной степени нелегитимной в глазах общества и власти.

Подчеркну: реформы пошли по пути обновлённой «шоковой терапии» не столько в результате осознанного выбора, сколько в результате потери контроля над экономическими процессами и политического кризиса в конце 1991 года и осенью 1993 года, что усложняло взвешенные постепенные меры и поощряло радикальные подходы.

Сложные начальные условия и ряд ошибок в проведении реформ привели к тяжелейшему экономическому кризису. В 1990-е гг. в результате реформирования экономики и накопленных ранее диспропорций произошел глубокий экономический обвал со спадом ВВП в 2 раза, промышленности – в 2,5 раза и инвестиций в 4 раза. Спад продолжался с 1990 по 1998 гг, и только в самом конце десятилетия начался экономический рост, продолжившийся до кризиса 2008 г. . Причиной этого роста стали не экономические успехи страны на пути рыночной либерализации, а внешние факторы: быстрый рост экономики Китая, потребовавший роста спроса на энергоносители и соответственно рост цен на экспортируемую из России нефть

5. Реформирование топливно-энергетического комплекса, с одной стороны, было интегральной частью экономических реформ в целом, а с другой – имело значительные особенности. В ТЭК, как и в других отраслях экономики, происходили процессы либерализации цен и внешнеэкономической деятельности, приватизация, на него оказывала воздействие макроэкономическая политика, институциональные преобразования и динамика спроса со стороны экономики.

С другой стороны, важной особенностью ТЭК, отличавшей его от абсолютного большинства других отраслей, было наличие достаточно внятной и конкретной концепции реформ. ТЭК (особенно нефтегазовая промышленность), наряду с военно-промышленным комплексом, концентрировал наибольший организационный и кадровый потенциал советской системы, но в отличие от ВПК, сумел разработать концепцию самореформирования.

Немалое значение в создании такой Концепции сыграл и созданный в это время Союз нефтегазопромышленников России, который стал центром формирования новой энергетической политики в стране, активно участвуя в разработке и принятии первой Энергетической стратегии России на период до 2010 г.

Говоря о реформах в ТЭК, следует отметить несколько принципиальных обстоятельств. Во-первых, фактическое реформирование комплекса и отход от советской плановой системы начался не в 1991-1992 гг., а существенно раньше – с принятием в 1987 г. Закона «О государственном предприятии». В ТЭК этот закон сыграл преимущественно негативную роль, поскольку передача полномочий на уровень отдельных предприятий привела к дезорганизации работы предприятий. ТЭК, в силу непрерывности производственных цепочек и необходимости концентрации инвестиционных ресурсов, нуждался в вертикальной интеграции и крупных компаниях. А они как раз и ставились под сомнение. Во-вторых, масштаб и сложность ТЭК делали крайне острой проблему качества управления государственными предприятиями. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. плановая

система, обеспечивавшая такое управление, была разрушена, а новая не была создана. Казуистика в том, что это стало одним из важнейших оправданий приватизации.

6. Наиболее проработанную базу имело под собой реформирование **нефтяной промышленности**. Её формирование началось, по сути, ещё в советское время – летом 1990 г. Именно тогда депутатами Тюменского областного Совета XXII созыва в сотрудничестве с производителями, учеными и специалистами, были разработаны обосновывающие материалы и научные основы Концепции перехода Тюменской области на принципы самоуправления в условиях формирования рыночной экономики. На базе этих материалов был подготовлен и решением II сессии XXI созыва Тюменского облсовета народных депутатов от 3.10.1990 г. утвержден проект собственно Концепции, а решением II сессии XXI созыва от 12.11.1990 г. утверждена и сама «Концепция».

В основу легла идея о переходе на общепринятые в мире принципы и подходы к управлению природно-ресурсным потенциалом, в частности, на принципы платного недропользования, что в условиях СССР имело поистине революционное значение. В дальнейшем эти же принципы были использованы при подготовке целого ряда законопроектов федерального и союзного уровней по вопросам недропользования и участия территорий в решении проблем социально-экономического развития, включая и Федеральный закон «О недрах». Эти принципы получили признание в Указе Президента РСФСР от 19 сентября 1991 года № 122 «О развитии Тюменской области». Этот Указ не только заложил основы платного природопользования, но и связал воедино все звенья цепи «недропользование – развитие нефтегазового сектора экономики – региональное социально-экономическое развитие». В сентябре 1991 года было принято Решение Тюменского областного Совета народных депутатов № 182 «О реализации Указа Президента РСФСР «О развитии Тюменской области».

Принципиальным моментом этого решения является то, что в тот период (а это было более чем за год до выхода в свет известных постановлений правительства о приватизации нефтегазового сектора) предлагалось в рамках нефтегазового комплекса области развивать новый сектор, который был бы альтернативой неэффективному государственному сектору. Этот новый сектор намечалось развивать на основе фонда новых и неразрабатываемых месторождений углеводородного сырья (в ныне действующей терминологии – фонд неиспользуемых или нераспределенных месторождений). На наш взгляд, в то время имелась уникальная возможность формирования альтернативных государственному сектору «независимых» компаний для эксплуатации неразрабатываемых месторождений.

И хотя основные идеи, положенные в основу «Концепции ...» и «Программы развития Тюменской области», в полной мере приняты не были, они практически сразу же

были восприняты обществом и стали базой для формирования федерального и регионального законодательства Российской Федерации, а также дали толчок реформированию всего нефтегазового комплекса страны.

Вслед за разработкой принципов платного недропользования логичным шагом стало реформирование отношений собственности в нефтегазовом комплексе. Этот шаг был сделан уже в 1992 г., когда под эгидой Минтопэнерго России была разработана 1-я Энергетическая стратегия России на период до 2010 года и Концепция по приватизации и реформированию предприятий нефтяной и газовой промышленности Российской Федерации, принятая Правительством страны 31 июня, в которой были сформулированы основные принципы и критерии структуризации нефтяного сектора экономики страны и формирования нефтяных компаний. Следует отметить, что эта концепция отражала компромисс между различными силами – от тех, кто хотел полной и мгновенной приватизации, до тех, кто предлагал все оставить в ведении государства.

Важным программным документом реформирования нефтяного комплекса являлась и разработанная Минтопэнерго России по поручению Правительства страны Концепция управления нефтяной промышленностью России (апрель 1995 г.). Таким образом, процесс реформирования нефтяного комплекса России был достаточно чётко продуман и спланирован, а курс на формирование вертикально-интегрированных нефтяных компаний был выбран правильно.

Вместе с тем, процесс акционирования и разгосударствления предприятий нефтяного сектора протекал в более сжатые сроки форсированными темпами под сильным воздействием целого ряда внутренних и внешних объективных и субъективных факторов, чем и были predeterminedены основные отличия того, что получилось, от того, что замысливалось. Столкновение олигархических, региональных и иных интересов, «залоговые аукционы» и другие действия лоббистов привели к тому, что вместо 6-7 мощных ВИНК с контрольным пакетом акций в собственности у государства, способных не только обеспечить потребности российских потребителей, но и конкурировать с ведущими компаниями мира, было создано почти два десятка компаний.

Многое из того, что задумывали, не удалось реализовать в силу различных политических и экономических причин. Как говорится, «паровоз ломиком не остановишь». Не удалось реализовать идею о создании Национальной нефтяной компании, которая в переходный период реформирования экономики России должна была стать стержнем российской нефтянки. Не удалось осуществить более мягкие по срокам – растянутые на пятилетие, десятилетие – темпы приватизации.

Тем не менее, главное было сделано. А главный результат реформирования нефтяного комплекса – формирование группы крупных вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК). Этот ключевой положительный результат заложил основы для последующего подъёма в отрасли.

7. Что касается «залоговых аукционов», то я был противником их с самого начала. Активы, созданные трудом сотен тысяч работников и стоившие миллиарды, уходили, что называется, «с молотка» за несопоставимо низкие цены. Не мог с этим смириться, и открыто об этом говорил в правительстве. Скажу и здесь. По предложению ряда банковских структур 31 августа 1995 года вышел Указ Президента Российской Федерации от № 889 «О порядке передачи в 1995 году в залог акций, находящихся в федеральной собственности». Несколько позже вышли и детализирующие применение этого Указа «Положения о порядке проведения аукционов на право заключения договоров кредита, залога находящихся в федеральной собственности акций и комиссии в целях обеспечения поступлений в Федеральный Бюджет на 1995 год средств от использования принадлежащего государству имущества». Залогодержателями стали крупнейшие банки России, такие как «Империал», «Менатеп», «Столичный банк сбережений», а также закрытые акционерные общества «Лагуна» и «Нефтяная финансовая компания». Эти структуры получили во владение и использование 45% акций НК «Сургутнефтегаз», 51% акций НК «Сибнефть», 45% НК «СИДАНКО», 45% НК «ЮКОС», 5% акций НК «ЛУКОЙЛ».

Фактически для этих нефтяных компаний был ликвидирован установленный режим государственного регулирования, а участие в этом процессе отраслевого органа госуправления – Минтопэнерго России – сведено до минимума. Позднее вышли нормативные документы, регламентирующие права реализации переданных в залог акций.

Это была не просто приватизация, а распродажа «по дешёвке» контрольных пакетов акций, принадлежащих государству. Естественно, что правовая основа этих аукционов до настоящего времени вызывает сомнение у значительной части не только экономистов, но и у большинства населения.

Аналогичные процессы шли и в других отраслях экономики: «Уралмаш» с 34 тыс. работающих был продан всего за 3,72 млн. долл., Челябинский металлургический завод с 35 тысячами рабочих – за 3,73 млн., Ковровский механический завод, обеспечивавший вооружением всю армию, милицию и спецслужбы, продан за 2,7 млн. долл. В результате было уничтожено около 80 тысяч крупных и средних промышленных предприятий. Заметим, что за все годы Великой Отечественной войны было разрушено всего 32 тысячи таких организаций. При этом зачастую предприятия покупались напрямую или через

подставных лиц иностранцами. Но не для того чтобы налаживать на них современное производство, а для уничтожения стратегических конкурентов.

8. Ещё в советское время началось реформирование и газовой промышленности. В 1989 г. Министерство газовой промышленности СССР было преобразовано в Государственный газовый концерн «Газпром», что должно было создать дополнительные стимулы для сохранения достигнутых темпов роста в условиях перестройки и перехода предприятий на полный хозрасчёт. В результате этого решения газовая отрасль получила возможность лучше других отраслей ТЭК подготовиться к работе в рыночных условиях, поскольку взаимоотношения между концерном и входящими в него предприятиями, в соответствии с уставом концерна, устанавливалось на договорной основе (и ГК «Газпром», и входящие в его состав предприятия имели статус юридического лица).

В новой России газовая отрасль также первой среди других отраслей ТЭК встала на путь акционирования и приватизации. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1333 «О преобразовании Государственного газового концерна «Газпром» в Российское акционерное общество «Газпром» от 5 ноября 1992 г. и Постановлением Совета Министров РФ № 138 от 17 февраля 1993 г. на базе ГК «Газпром» создается Российское акционерное общество «Газпром» (РАО «Газпром»). При подготовке этих документов их авторам удалось доказать руководству страны и реформаторскому крылу в её правительстве уникальность отрасли, которая с самого начала развивалась как единый технологический и организационно-экономический механизм.

Особым условием акционирования газовой отрасли явилось закрепление в федеральной собственности 40% акций РАО «Газпром». В состав РАО «Газпром» также вошли в качестве дочерних компаний многочисленные предприятия, занимающиеся производственной деятельностью в области геологоразведки и бурения скважин, обустройства газовых месторождений и стройиндустрии, снабжения и комплектации строек, производства машин и оборудования, средств автоматики для нужд газовой промышленности и прочих видов деятельности. В РАО было передано Управление газового надзора России, осуществляющее контроль за технической безопасностью работ и эксплуатацией объектов в газовой промышленности. РАО получило и монопольные права на осуществление хозяйственной деятельности по экспортной торговле газом путём преобразования ВЭО «Газэкспорт» в ОАО «Газэкспорт» со 100% участием РАО «Газпром».

Дешёвый природный газ и возможность (из-за практической безнаказанности) не платить за него, дали дополнительные шансы уцелеть тысячам производственных предприятий и сохранить тепло в домах десятков миллионов россиян, что подтверждает правильность принятых в начале 1990-х гг. решений о сохранении практически всей

газовой отрасли страны в виде единой газовой компании. Однако государственное регулирование цен на газ, в сочетании с их низким уровнем, при либерализации цен на внутреннем рынке и систематических неплатежах потребителей, а также фискальной налоговой системе подрывали финансовую базу воспроизводственного процесса в отрасли.

9. О периоде 1990-х годов хотелось бы сказать больше. Общий спад промышленного производства в 90-е годы во всех странах бывшего Советского Союза и Восточной Европы повлек за собой резкое сокращение потребления энергоресурсов, в том числе и импортируемых из России углеводородов. Вдобавок накладывалась тяжелая финансово-экономическая ситуация, когда даже за полученное сырье потребители просто не платили. Приходилось идти на различные «нецивилизованные» варианты, включая бартер, который тоже изрядно задерживался. В результате добыча нефти в стране начала падать. Вот некоторые цифры, характеризующие работу отрасли в 90-е годы:

- Добыча нефти и газового конденсата сократилась с 516,2 млн. т в 1990 г. до 303,4 млн. т в 1998 году.
- Объем переработки нефти и конденсата на НПЗ снизился за те же годы с 298,4 до 163,7 млн. т. И, хотя в 2000 г. было переработано чуть больше – 168,7 млн. т, загрузка НПЗ составила всего 49,8%, что обусловило низкую глубину переработки нефти (чуть больше 67%) и низкое качество выпускавшихся нефтепродуктов.
- Добыча природного газа сократилась с 640,6 до 591,1 млрд. куб. м, соответственно. И продолжала падать ещё три года.
- Экспорт нефти упал с 238 млн. т до 126-127 в 1993-1997 гг.
- А вот экспорт природного газа снизился существенно меньше – с 218 млрд. куб. м. в 1990 г. до 180-196 млрд. в 1993-1997 гг.

В этот период – в исключительно сложных условиях и при упорном давлении со стороны реформаторов-радикалов – нам удалось сберечь ТЭК. В газовой отрасли пример подал Виктор Степанович Черномырдин, создав Газпром. В нефтяной промышленности созданные нами ВИНКи требовали большой работы по укреплению их внутренней структуры – от управления до консолидации акционерного капитала. Нам с трудом удалось решить эти проблемы Указом Президента РФ №327. Этот Указ находился в прямом противоречии с рекомендациями Всемирного банка и Международного валютного фонда. Сейчас стали забывать о том, что в первой половине 1990-х годов, когда Россия пребывала в сложном финансово-экономическом положении, значительную роль играли так называемые «стабилизационные кредиты», предоставление которых каждый раз оговаривалось определенными условиями – чаще в русле положений «Вашингтонского

консенсуса», якобы содействовавшего трансформации плановой экономики в экономику рыночную.

10. За 1990-2000-е годы переход к рыночной экономической системе был в основном завершен. Была создана система базовых правовых норм и других институтов, обеспечивающих функционирование рыночных отношений между хозяйствующими субъектами. Заработали конкурентные рынки товаров и услуг, капитала и трудовых ресурсов. Актуальной стала отладка уже созданных институтов, обеспечение их эффективного действия. В 1998-2008 гг. российская экономика демонстрировала устойчиво высокие темпы экономического роста (в среднем 6,8% в год), значительно опережающие динамику мировой экономики (4,7% в год), чему в немалой степени содействовали высокие мировые цены на нефть, установившиеся со второй половины 2000-х гг. и продержавшиеся, кроме провальных 2009-2010 гг., до 2014 г., включительно. Преимущественно этот рост был обусловлен благоприятной ценовой конъюнктурой, сложившейся на мировом рынке углеводородов под влиянием быстро растущей китайской экономики. Рост российского ВВП, в том числе за счет экспорта нефти и газа, промышленного и сельскохозяйственного производства, строительства привёл к выходу большинства соответствующих показателей на дореформенные (1990 г.) уровни или даже к их превышению. Так, в 2008 г. уровень ВВП превысил уровень 1990 г., главным образом за счет нефтегазового сектора, хотя уровень промышленного производства был несколько ниже. Практически вышли на дореформенный уровень реальные располагаемые денежные доходы населения, а оборот розничной торговли существенно превысил его. Снизилась безработица, увеличилась производительность труда. Растущие нефтегазовые доходы позволили резко сократить государственный внешний долг. Сформировался слой развивающихся компаний, успешно конкурирующих на внутренних и внешних рынках и активно привлекающих капитал для своего развития. Вместе с тем, инвестиции оставались на 20% ниже уровня 1990 г. Норма инвестиций по отношению к ВВП колебалась на уровне около 20%, что совершенно недостаточно для модернизации российской экономики. В сущности, произошел переход от инвестиционной модели роста, характерной для советского периода (при низкой эффективности инвестиций в то время), к экспортно-сырьевой и потребительской модели роста. В структуре промышленности произошёл дальнейший сдвиг от обрабатывающей промышленности в пользу добывающей, в первую очередь – добычи топливно-энергетических ресурсов. За 1990-2000-е годы доля ТЭК в промышленном производстве, экспорте, валовом внутреннем продукте и доходах бюджета существенно возросла даже по сравнению с высокими позднесоветскими показателями. Усугубилась зависимость развития экономики от динамики мировых цен на нефть.

11. В 2000-х годах, в период оживления и восстановления экономики, нефтегазовый комплекс и углеводородная энергетика в целом – на основе принятых ещё в предыдущее десятилетие мер структурного реформирования и соответствующего законодательства – сумели восстановить свои показатели по нефти, газу и углю. Но именно восстановить, а не приумножить. К 2010 году восстановительный период завершился: заметно выросли объёмы добычи нефти и газа, улучшилась система переработки и транспортировки углеводородов. Мы даже превысили показатели, достигнутые в советские времена. В эти годы был реализован ряд новых крупных проектов, в том числе инфраструктурных. Эти проекты позволили нам обеспечить выход на Восток (трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан»), увеличить в 2 раза экспорт нефти по сравнению с советским периодом за счет новых терминалов, Балтийской трубопроводной системы, реконструкции и увеличения пропускной способности транспортных перевалов на Черном море, за счет Каспийской трубопроводной системы.

Вот некоторые цифры, характеризующие работу комплекса в 2000-2010-е годы:

- Добыча нефти и газового конденсата выросла с 323,5 млн. т в 2000 г. до 505,2 млн. т в 2010 г.
- Стабильно рос объём первичной переработки нефти и конденсата на НПЗ – со 179 до 249 млн. т.
- Экспорт нефти, резко увеличившись в 2000-2004 гг. (со 144,4 до 260 млн. т), в последующие годы колебался в пределах от 243, до 259 млн. т.
- Стабильно росли поставки на экспорт нефтепродуктов, увеличившись с 63 до 133 млн. т.
- С 2002 г. начала расти и добыча природного газа, достигнув в 2010 г. 650,7 млрд. куб. м.
- Экспорт природного газа, как и в предыдущие годы, колебался в широком диапазоне от 168 до 209 млрд. куб. м в год.

Но базовые проблемы НГК продолжали оставаться, накладываясь на общеэкономические проблемы и диспропорции.

12. В 2000-е гг. сохранился высокий уровень монополизма, искажений рынка в результате неэффективного государственного регулирования. Рост финансовых возможностей государства при слабости государственного управления обусловил низкую эффективность расходов. Такая структура экономического роста обусловила низкую степень устойчивости экономики России к глобальному экономическому кризису 2008-2009 гг.

В частности, в 2000-е годы, особенно в 2005-2008, из-за отсутствия на внутреннем финансовом рынке длинных и дешевых кредитов шло чрезвычайно активное накопление внешних долгов банков и корпоративного сектора, которые к началу кризиса достигли 200 и 250 млрд. долл., соответственно. Падение ВВП в России в 2009 г. оказалось максимальным среди крупных экономик мира. Продолжительность выхода на докризисный уровень ВВП (фактически, только к началу 2012 г.) оказалась самой большой. Мировой экономический кризис 2008-2009 гг. оказал глубокое воздействие на российскую экономику. Помимо резкого спада объёма ВВП, промышленного производства и финансовых показателей, кризис привёл к закреплению целого ряда деформаций российской экономики, поскольку внешний шок наложился на накопленные структурные диспропорции и институциональные искажения. В результате кризиса резко изменилось положение бюджетной системы из-за падения нефтегазовых доходов в результате прямого воздействия цен на нефть на ставки НДС и таможенных пошлин, спада других налоговых доходов из-за снижения экономической активности, а также резкого наращивания расходов бюджета в рамках антикризисных программ. В результате кризиса постоянный профицит федерального и консолидированного бюджета сменился глубоким дефицитом, который стал преодолеваться только в начале 2011 г. в связи с новым ростом цен на нефть и восстановлением экономики.

13. С 2013 по 2019 год максимальный темп роста ВВП в России не превышал 2,5%, составив, по оценке Счётной палаты, в среднем всего 0,9%, что можно считать стагнацией экономики. При этом рост глобальной экономики в том же периоде составил 3,7% в год. В 2020 году экономика России, столкнувшись не только с шоком из-за пандемии и карантинных ограничений, но и с мощным спадом спроса на нефть, сократилась на 2,7%.

Одновременно в России наблюдался рост профицита торгового баланса, но в экономику эти деньги не вкладывались, копились на зарубежных счетах, стимулируя развитие других стран, а в конечном итоге оказались под санкциями, то есть просто «замороженными».

Всё это сказалось на всех воспроизводственных процессах отечественной экономики, включая и ТЭК, несмотря на целый ряд достигнутых в нём успехов. Успехов, лежащих, большей частью, на поверхности явлений (то есть, видимых).

Но именно в этот период благодаря СНГП, его инициативам, поддержанным Правительством, удалось сделать многое: это - и законодательное решение правила «двух ключей» для поддержки интересов регионов; обоснование и поддержка восточному вектору энергетической политики России; реализация на примере Сахалина закона о СРП;

идеология ресурсно-инновационного развития энергетики и экономики России, активное продвижение проблемы импортозамещения и развития отечественного сервиса в НГК; создание новых технологических полигонов и т.п., наконец, поддержка разрабатываемых ЭС-2020 и ЭС-2030 и критика стратегии Эс-2035, которая не дает ответа на актуальные вызовы, стоящие перед НГК России.

14. Основные цифры, характеризующие работу НГК России в 2011-2019-е годы:

- Добыча нефти и газового конденсата выросла с 511,4 млн. т в 2011 г. до 560,2 млн. т в 2019 г.
- Стабильно рос объём первичной переработки нефти и конденсата на НПЗ – со 179 до 249 млн. т.
- Экспорт нефти в течение всего рассматриваемого периода колебался в пределах от 223 до 260,6 млн. т, составив в 2019 г. 269,2 млн. т.
- На экспорт поступало от 138 до 172 млн. т/год нефтепродуктов (2019 г. 143 млн. т).
- Добыча природного газа не имела чётко выраженной тенденции. Увеличившись до 670,7 млрд. куб. м в 2011 г., она в последующие годы снижалась, достигнув «дна» в 2015 г. (635,5 млрд. куб. м). Новый период роста длился до 2019 г., когда был установлен исторический рекорд добычи – 738 млрд. куб. м.
- Экспорт природного газа, как и в предыдущие годы, колебался в широком диапазоне от 178 до 223 млрд. куб. м в год (2019 г. – 220,6).

Немалое значение в этот период имела переориентация российской экономики с экспортно-сырьевого на ресурсно-инновационный путь развития, предложенная экспертами СНГ и отраженная в ЭС-2020 и Эс-2030.

Глубина переработки нефти увеличилась с 70,9% в 2010 г. до 83,4% в 2018 г., а выход светлых нефтепродуктов вырос, соответственно, с 55,7% до 62,2%. Рост связан с проведением в течение восьми последних лет модернизации НПЗ. В период с 2011 по 2017 год, по данным Минэнерго России, отремонтированы и введены в эксплуатацию 78 установок вторичной переработки. До 2016 г. модернизация была направлена в основном на улучшение качества получаемой продукции. Затем началась реализация второго этапа, направленная на углубление процессов переработки нефти. В результате этих мер, глубина переработки достигнет 85%.

15. Пандемия коронавируса и обрушение нефтяных цен поставили под угрозу планы по дальнейшему развитию НГК, но на текущих показателях его деятельности отразились

меньше, чем можно было бы ожидать. Основные цифры, характеризующие работу НГК России в 2020 и 2021 гг. таковы:

- Добыча нефти и газового конденсата в 2020 году опустилась к минимальным значениям за последние 9 лет и составила 512,7 млн. т. В 2021 г. она выросла до 524,0 млн. т. Доминирующий фактор – обязательства в рамках ОПЕК+.
- Переработка нефти составила 270 и 281 млн. т, соответственно. Доминирующий фактор – снижение спроса на топливо на фоне пандемии коронавируса.
- Экспорт нефти – 238,6 и 230,0 млн. т, соответственно.
- Экспорт нефтепродуктов – 141,8 и 144,3 млн. т, соответственно.
- Добыча природного газа в 2020 г. составила 692 млрд. куб. м, а в 2021 г. – 762 (по данным ЦДУ ТЭК – 765,8) млрд. куб. м – рекорд за все годы работы отрасли.
- Экспорт природного газа в 2020 г. снизился до 202,5 млрд. куб. м, и составил в 2021 г. 203,5 млрд. куб. м.

16. Требования серьёзных преобразований НГК стали звучать ещё десять лет назад с признанием международным сообществом проблемы изменения климата и необходимости перехода человечества к экологически чистой энергетике и экономике в целом. Практическим воплощением в жизнь идеологии и концепции энергетического перехода стали планы крупнейших стран и страновых союзов достичь к середине века «климатически нейтрального» состояния и построения «углеродно-нейтрального общества». К этому времени были обоснованы и основные направления такого перехода. Кратко назову их. Это:

- рост энергоэффективности и связанные с ним замедление темпов роста энергопотребления и снижение общего энергопотребления в мире;
- резкое сокращение потребления ископаемых видов топлива;
- рост использования возобновляемой энергии.

17. Сложились и основные требования общества к нефтегазовому комплексу и к её основным акторам – нефтегазовым компаниям. Глобальный энергетический переход ставит перед ними уникальные задачи, требуя от них по-новому адаптировать свои стратегии и основные направления деятельности исходя из всё более усложняющихся взаимосвязей отрасли с другими секторами экономики и социально-экономическим развитием в целом. Как отмечают зарубежные специалисты, нефтегазовые компании всё чаще сталкиваются с целым рядом проблем, относящихся к их деятельности в условиях обеспокоенности общественности проблемами изменения климата:

- юридическими проблемами со стороны экологических активистов;
- требованиями инвесторов раскрывать связанные с изменением климата бизнес-риски;
- призывами к большей прозрачности в части выбросов парниковых газов со стороны государственных регулирующих органов;
- сокращением банковского кредитования некоторых видов нефтегазовых проектов;
- меньшим желанием молодёжи работать в отрасли.

В то же время их способность выработать согласованный ответ осложняется неопределённостью в отношении будущей государственной политики, будущего спроса на углеводороды и темпов развития технического прогресса и потребительских настроений. И руководители отрасли должны своевременно реагировать на появление сложных вопросов, возникающих у общества в связи с обеспокоенностью по поводу изменения климата и неопределённых последствий энергетического перехода. При этом краткосрочные, оперативные меры должны быть увязаны со стратегическими, долгосрочными планами устойчивого развития.

Российским нефтегазовым компаниям подобные трансформации пока не нужны и не угрожают. Но поскольку значительная часть их продукции идёт на экспорт, определённые действия в этом направлении также необходимы.

18. Идеи энергетического перехода как концепции безуглеродной энергетики будущего с каждым годом получают всё большее и большее распространение. Однако отказ от углеводородной энергетики – это процесс, растянутый во времени и идущий неравномерно, что даёт возможность хорошо к нему подготовиться, минимизировать или даже нейтрализовать основные его негативные последствия для российской экономики, «заточенной» на НГК. В этих условиях требовалось срочно принять все возможные меры по ускоренной диверсификации российской экономики, обеспечению развития нефтегазохимии и других отраслей, связанных с глубокой переработкой природных ресурсов. И, конечно же, нужно было ещё раз внимательно оценить те возможности, которые открывала перед страной ресурсно-инновационная стратегия, о которой в последнее время стали незаслуженно забывать. И на поверхности явлений всё это как бы делалось: принимались различные планы структурных реформ, национальные проекты, программы импортозамещения и т.п. Но, к сожалению, в очередной раз всё стало сводиться к бумаготворчеству. Так, по словам Первого вице-премьера России Андрея Белоусова, в его интервью РБК в мае прошлого года, в промышленности сейчас оценки критического импорта, то есть импорта, который трудно заместить, составляют около 1 трлн. руб. в год.

И это резко обострилось в условиях санкций западного мира в ответ на события в Украине.

19. Во втором десятилетии этого века мир вступил в совершенно новую эру многополярности, когда место глобализации стали занимать нарастающий регионализм и фрагментация мировой экономики, когда перспектива раздроблённой мировой системы стала реальной угрозой. И с тех пор целый ряд внешнеполитических и внешнеэкономических шагов и действий основных акторов мировой экономики в совокупности с такими привходящими событиями как коронавирусная пандемия, сделали эту угрозу практически неизбежной, поскольку многие государства, имеющие самостоятельные взгляды на будущее мировой политики и экономики, понимают, что в любой момент и они могут оказаться на месте России.

А нынешний политический кризис вокруг Украины наглядно показал, что возможно всё, даже самое немыслимое. И что без кардинальных преобразований всей системы международных экономических и социально-политических отношений на этот раз не обойтись. И дело даже не в России, и не в украинском кризисе. Их место с таким же успехом могли бы занять японо-китайская конфронтация на Восточно-Китайском или Южно-Китайском морях, или конфликт между Китаем и Тайванем. Не меньшей конфликтностью отличаются и некоторые другие регионы планеты, особенно Ближний Восток (шииты – сунниты; Иран – Израиль) и Южная Азия (Индия – Пакистан). Нельзя сбрасывать со счетов и значительное обострение противоречий между двумя крупнейшими державами современности – США и Китаем – вплоть до масштабных санкционных войн и финансовых столкновений с последующим крахом доллара как основной мировой резервной валюты. В этом же ряду различные гуманитарные кризисы и природные катастрофы.

20. Не буду углубляться в причины и возможные следствия того, что случилось – это задача специального исследования, а не краткого выступления. Отмечу лишь, что дело даже не в России, что к подобному краху всей сложившейся системы международного экономического и социально-политического сотрудничества мир шёл далеко не первый год.

21. В России за годы реформ, в 1990-е и начале 2000-х гг., произошла глубокая деиндустриализация экономики. Утрачены многие технологии. Особенно сложная ситуация в базовых отраслях – машиностроении, станкостроении, производстве энергетического оборудования, средств промышленного транспорта. Страна попала в полную технологическую зависимость от импорта. Так, у российских компаний практически нет своих технологий и оборудования для подготовки и разработки морских месторождений, в том числе на арктическом шельфе (около 90% ключевых технологий

добычи углеводородов на шельфе – иностранные). Плавающие буровые установки и суда, подводные добычные комплексы, подвесное устьевое оборудование, специализированные суда – всё, что требуется для работы в арктических условиях, преимущественно зарубежного производства, а меры по импортозамещению этих технологий, принятые ещё в 2014 г., пока не дали значительных результатов. Аналогично, если даже не хуже, обстоят дела и с программным обеспечением производственных процессов – от геологоразведочных и поисковых работ, до разработки месторождений и переработки углеводородов. Именно наша технологическая зависимость стала основой того, что Запад получил уверенность в успешности своих санкций. Эти санкции затрудняют, прежде всего, развитие новых нефтегазовых проектов в стране, особенно тех, которые ведутся на шельфе и направлены на разработку ТРИЗ, поскольку ограничивают приток в отрасль зарубежных инвестиций, новых технологий и оборудования.

Угрозы для технологической сферы страны самые серьёзные. Чтобы их минимизировать, нужны экстраординарные меры. Речь уже идёт не об импортозамещении, а об импортонезависимости. Мы хорошо знаем слабое звено нашей экономики – это инновации. Даже очень перспективные разработки науки не внедряются промышленностью. И я на все сто согласен с мнением Александра Романихин, что нефтегазовое оборудование — столь же стратегически важная для нашей страны продукция, как и военная техника. Никому же не придет в голову завозить в Россию танки Challenger, Leopard, Merkava или Abrams. А вот нашпиговывать стратегические объекты нефтяной и газовой отрасли импортной техникой почему-то было возможно.

Хотя о том, что разрыв между наукой и промышленностью необходимо преодолеть говорится далеко не один год, по многим направлениям этого так и не произошло. И здесь компании НГК должны брать пример с нашей оборонки, где давно отработан эффективный механизм внедрения научных разработок. Рекомендуем руководству компаний НГК встретиться со своими коллегами из оборонных отраслей, договориться о возможности перенятия их опыта работы. Не вижу ничего зазорного в этом. Нашим союзником в таком подходе будет и Российская академия наук.

22. Ещё месяц назад на любые соображения по повышению национальной экономической безопасности можно было услышать насмешливые комментарии многочисленных экспертов про параноиков, которые не понимают, как работают мировая экономика, свободный рынок и законы экономического либерализма, а вместо этого концентрируются на всяких надуманных опасностях, якобы угрожающих стране. Что ж, за эти дни стало понятно, что параноики оказались правы и опасности вовсе не надуманные. Запад убедительно доказал, что правил никаких нет, законы рынка не работают, а произвол

и экспроприация, мотивированные "революционными нуждами", вполне себе работающий способ ограбления неугодных – не только людей, но и целых стран.

23. Как вы знаете, Минэнерго разработало антикризисный план для ТЭКа в условиях санкций. Ключевые меры поддержки нефтяников касаются снижения налогов и продления сроков модернизации НПЗ, в частности, переход на уплату НДС по фактическим ценам реализации, а не по мировым ценам. Сейчас нефтекомпании в условиях снижения спроса на российскую нефть продают Urals с большой скидкой при высоком уровне мировых котировок, в то время как НДС рассчитывается исходя из последних — фактически компании платят больше налогов, чем должны были. Также в условиях профицита нефтепродуктов и отказа зарубежных трейдеров от сделок по покупке российского топлива предлагается временно освободить компании от ответственности за невыполнение нормативов продаж топлива на бирже.

Как отметил А.С. Новак, «Еще одной важной проблемой для России является привязка национальной системы налогообложения к стоимости Brent на фоне сильного дисконта к ей российского сорта Urals, достигающего 30 долларов за баррель. Поэтому наша задача сейчас – привести систему налогообложения в том числе к фактическим ценам, которые есть на рынке, с тем, чтобы предприятия не работали в убыток», – сказал он. «Сейчас прорабатываются как корректировка демпфера, так и пересмотр налогового маневра (плановое снижение экспортной пошлины на нефть и при одновременном повышении НДС)».

Принципиально новым событием в мировой политике явилось заявление российского руководства о переводе расчетов за поставляемый газ с долларов на рубли. Пока трудно сказать, как это будет реализовано и как это скажется на состоянии экономики страны и ее ТЭК.

Правительством страны и его соответствующими министерствами и ведомствами готовятся и другие меры, направленные на поддержание предприятий ТЭК.

Вместе с тем, с учётом сложившейся ситуации – уже объявленных санкций, возможного полного отказа от импорта российских энергоресурсов со стороны США, Великобритании, ЕС и других стран, представляется необходимым принятие дополнительных мер, направленных на обеспечение стабильной работы предприятий НГК, в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Сегодня главным вопросом для отечественного ТЭК становится обеспечение непрерывности деятельности на фоне беспрецедентного санкционного давления на Россию. Причём, деятельности в условиях жёсткого дефицита информации о стремительно происходящих изменениях на рынке, в условиях отсутствия опыта быстрой технологической трансформации, обусловленной

прекращением деятельности в России ряда зарубежных компаний. Поэтому как никогда необходима скоординированная работа государственных органов власти, бизнеса и экспертного сообщества. И наш Союз просто обязан внести в эту работу свой весомый вклад.

24. Мы должны сегодня попытаться определить целевое видение роли ТЭК и НГК в дальнейшем социально-политическом и эколого-технологическом развитии России на ближайшую, среднесрочную и более далекую перспективу, ибо ресурсно-энергетический комплекс является и будет являться базой неоиндустриального развития страны. А роль нашего Союза - не только обобщать деятельность нефтегазовых компаний страны, но и, работая на упреждение, формулировать основные вызовы и пути реализации наших возможностей.

Сегодня, под влиянием зеленых идеологов энергетического перехода и европейских лидеров развивается мысль о том, что заканчивается период решающей роли России в обеспечении мирового энергетического спроса и энергетика России неминуемо впадет в пике. Так ли это? Анализ последних двух лет ковидного локдауна мировой экономики и нынешних санкций против ТЭК России свидетельствует действительно о том, что для нас наступают непростые времена. Но тем и силен НГК России, что из всех перипетий он выходит не только самодостаточным и обновленным, но не растерявшим своей природной ресурсной опоры.

Несмотря на то, что нынешняя ситуация имеет мало общего с историей развития энергетики страны и мира, тем не менее стратегический анализ и прогноз до 2025 - 2030 г., проведенный нашими экспертами, показывает, что и постковидная и поствоенная ситуация - это глубокие, но частные флуктуации мирового развития. И даже климатические и военно-политические факторы не окажут разрушающего влияния на российский НГК. По крайней мере, политически обусловленная угроза снижения спроса на российские энергоносители в Европе потребует диверсификации нашего экспорта на юг (в Индию) и на восток (в страны ЮВА). Поэтому объем экспорта нефти и газа не получит существенного снижения, да и сама Европа по сути вывела из-под санкций это экспорт. А в условиях сохраняющегося спроса при отсутствии новых крупных экспортеров цена нефти будет подвержена крупным, но кратковременным флуктуациям. Скорее всего, летом этого года она, возможно упадет до доковидного и довоенного уровня - до 80\$? А затем будет колебаться в пределах 80-100 \$. Вопрос в том, как нам обеспечить стабильную добычу - в условиях санкций это потребует существенного импортозамещения и поиска новых инвестиционных источников. Помочь НК в решении этих задач - это новое требование к интеллектуальному потенциалу наших нефтяников.

Более серьезные задачи предстоит решать нашим нефтяникам и газовикам в период с 2030 по 2050 гг. За кажущимся снижением спроса на углеводороды в свете цифровизации и обеспечения углеродной нейтральности, стоит сегодня непонимание полного энергетического цикла зеленого мира: чтобы обеспечить необходимый объем конструкций ВИЭ и водорода, а также обеспечения энергоемких информационных центров необходимо дополнительно увеличить энергоемкое производство редкоземельных материалов, новых конструкционных материалов, новых систем утилизации отработавших конструкций. Это все вместе потребует не только развития производства электроэнергии, но и добычи новых углеводородов.

Так что впереди у нас - немало новой интеллектуальной работы.

25.К числу первоочередных задач и неотложных мер относятся:

а) Для компаний НГК (не гонюсь за оригинальностью; многое из того, что скажу, ими уже делается):

- проанализировать, и при необходимости внести соответствующие коррективы в цепочки поставок, как импортных, так и экспортных для обеспечения непрерывности работы;
- ужесточить контроль за издержками производства, усилить работу по сокращению текущих расходов во всех подразделениях;
- активизировать поиск новых более надёжных потребителей и поставщиков;
- активизировать работу по замещению импортных компонентов аналогичными им или близкими по качеству отечественными;

Кроме того, считаю необходимым поддержать призыв к руководству нефтегазовых компаний Союза разработчиков программного обеспечения ТЭК о необходимости консолидации профессиональных ресурсов разработчиков ПО на рынке

в) Для Правительства РФ и регуляторов:

- в целях облегчения финансового бремени производителей и потребителей временно ограничить отпускные цены на моторное и котельно-печное топливо и электроэнергию рамками официально признанной инфляции;
- ввести в государственных банках для компаний – производителей топлива и энергии, в целях их бесперебойного финансирования текущих операций, пониженную ставку кредитования;
- создать при Минэнерго России или в его составе отраслевой штаб по импортозамещению, куда, в том числе, войдут представители нефтегазовых компаний – заказчиков оборудования и технологий, передав Минэнерго и соответствующие функции распределения средств госбюджета, выделяемых на эти цели.

Отдельно хотел бы сказать о зависимости и российской экономики в целом, и НГК от импорта так называемых высоких технологий. Здесь я полностью солидарен с Президентом РАН Александром Сергеевым, который считает, что если ещё недавно мы признавали, что отстаём от ведущих стран по многим позициям, то сейчас надо прямо сказать, что попадаем в технологическую изоляцию. Угрозы для технологической сферы страны самые серьёзные. Чтобы их минимизировать, нужны экстраординарные меры. Речь уже идёт не об импортозамещении, а об импортнезависимости. Мы хорошо знаем слабое звено нашей экономики – это инновации. Даже очень перспективные разработки науки не внедряются промышленностью. И я на все сто согласен с мнением Александра Романихин, что нефтегазовое оборудование — столь же стратегически важная для нашей страны продукция, как и военная техника. Никому же не придет в голову завозить в Россию танки Challenger, Leopard, Merkava или Abrams. А вот наспиговывать стратегические объекты нефтяной и газовой отрасли импортной техникой почему-то было возможно.

Хотя о том, что разрыв между наукой и промышленностью необходимо преодолеть говорится далеко не один год, по многим направлениям этого так и не произошло. И здесь компании НГК должны брать пример с нашей оборонки, где давно отработан эффективный механизм внедрения научных разработок. Рекомендуем руководству компаний НГК встретиться со своими коллегами из оборонных отраслей, договориться о возможности перенятия их опыта работы. Не вижу ничего зазорного в этом. Нашим союзником в таком подходе будет и Российская академия наук.

Среднесрочными задачами являются:

а) Для компаний НГК и отраслевых общественных организаций, включая Союз нефтегазопромышленников:

- проработать инициативу создания подземных хранилищ нефти как компенсаторов возможных временных перебоев с поставками и добычей нефти;
- изучить возможность создания фонда скважин на будущее, из которых пока не будет добываться нефть, но создание которого обеспечит работой предприятия нефтесервиса;

в) Для Правительства РФ и регуляторов:

- в целях стимулирования поиска и разработки новых месторождений, в особенности ТРИЗов и малых месторождений, соответствующего развития малых компаний, необходимо откорректировать систему налогообложения: возратить правило двух ключей, когда значительная часть налогов идёт в доходы регионального бюджета, и ввести пониженную ставку НДС для малых компаний.

- в целях стимулирования развития нефтегазохимии, ввести практику государственного кредитования создания и развития соответствующих производств под пониженную ставку кредитования, соответствующую общемировым параметрам

Что касается долгосрочных задач, то, прежде всего, хотел бы подчеркнуть следующее. Сегодня в условиях роста неопределённости и непредвиденных обстоятельств мы переживаем новый переломный момент, и трудно представить в полной мере масштабы ожидающих нас изменений и их последствий. Однако сложный трансформационный процесс, свидетелями и участниками которого мы являемся, базируется на всех предыдущих достижениях, успехах и ошибках человечества. И в этом плане всё то, что ожидалось в развитии глобальной энергетики и НГК нашей страны до последних событий, в той или иной мере, в той или другой форме проложит себе дорогу. Подобного мнения придерживаются многие специалисты.

С учётом сказанного, первейшей задачей нефтегазовой отрасли России в условиях энергоперехода и глобальных санкций является значительное снижение затрат на производство нефти и газа, своеобразный «разворот» от требований и просьб о субсидиях и льготах к новым технологическим разработкам, которые в разы и кратно снижают издержки производства. Но чтобы добиться устойчивого снижения издержек на разведку и добычу углеводородов, необходимо прежде всего не жалеть денег на развитие отраслевой науки. Это одновременно позволит решить и проблему оттока за рубеж научных кадров, особенно перспективных молодых учёных, которые в настоящее время массово «отсасываются» из России через многочисленные представительства зарубежных компаний.

Другими долгосрочными задачами остаются:

- Всемерное развитие нефтегазохимии, глубокой переработки углеводородного сырья;
- Развитие малого бизнеса путем либерализации налогового законодательства, совершенствования регуляторики и улучшения условий кредитования.
- Повышение эффективности антимонопольного законодательства, усиление контроля за ценообразованием естественных монополий.

Считаю необходимым подчеркнуть, что для достижения подобных целей нам необходимо активно работать с другими отраслевыми ассоциациями и объединениями, особенно нефтесервисными, Агентством нефтегазовой информации, Институтом нефтегазовых технологических инициатив (ИНТИ) и другими профильными организациями.

26. Мы живем в эпоху стремительных перемен, когда ключевые отрасли мировой экономики вступили в период глобальной трансформации, в том числе и под воздействием социально-экологических и военно-политических факторов. Но мы также понимаем, что любые изменения – это стимул для дальнейшего развития, это поиск новых идей и решений. И мы считаем, что неправильно жестко противопоставлять энергопереход и развитие традиционных отраслей энергетики, прежде всего нефтяной и газовой. В условиях энергоперехода и беспрецедентного санкционного давления бюджетные поступления России от экспорта энергоресурсов значительно снизятся. Но это должно стать дополнительным, возможно, последним, доводом для руководства страны сделать то, что нужно было сделать ещё в прошлом десятилетии: принять все возможные меры по ускоренной диверсификации российской экономики, обеспечению развития нефтегазохимии и других отраслей, связанных с глубокой переработкой природных ресурсов, а также технологических прорывов.

27. В середине февраля, готовясь к нашему юбилею, я в число основных проблем и вызовов, на которые нашему профессиональному сообществу надо было дать достойный ответ, ставил последствия пандемии и переход ведущих государств мира к углеродной нейтральности. Но случилось то, сто случилось – более тяжёлое, более неопределённое как в своем развитии, так и своих последствиях. И, тем не менее, наш Союз должен дать внятный ответ и на этот вызов. Пусть он будет рамочным, приблизительным, вариантным, и впоследствии будет корректироваться, но он должен быть дан. Ибо кроме нас дать его некому. Совместно с правительством, научными кругами, РСПП, ТПП и другими объединениями профессионалов мы должны выработать и принять четкий план действий в кардинально изменившихся условиях, и сегодняшнее заседание должно сделать первый шаг в реальных действиях.

По материалам и работам:

- Института Энергетической стратегии
- д.э.н Бушуева В.В.
- д.э.н Мастепанова А.М.
- д.э.н. Шафраника Ю.К.